

МЁРТВЫЕ И ЖИВЫЕ: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ РОМАНА В.П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

Данилов А.Н.

г. Зеленогорск, Красноярский край, МБУ ДО «Центр образования «Перспектива», 11 класс

Руководитель: Данилова Е.В., г. Зеленогорск, Красноярский край, МБУ ДО «Центр образования «Перспектива», педагог дополнительного образования

В статье приводится исследование системы художественных образов романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», выстроенной по принципу бинарной модели. Условное деление художественных образов произведения на «мёртвые» и «живые» позволило прояснить идею авторского замысла.

Творчество Виктора Петровича Астафьева – одно из самых значительных явлений в русской литературе второй половины XX века. Причастный к тематическим направлениям «деревенской» и военной прозы, писатель значительно перерос их рамки, создав самобытную художественную систему со своей философской и этической основой. Роман «Прокляты и убиты» – это не только новое слово о войне, это духовное завещание писателя нам, живущим.

Субботкин Д.А. в монографии «Конфликт «своего» и «чужого» мира в произведениях В.П. Астафьева как реализация бинарной и тернарной структур», пишет, что «в военной прозе В. Астафьева доминирует бинарная модель с резкой поляризацией добра и зла» [2]. Мы согласимся с автором, предположив, что выстраивание образной системы романа «Прокляты и убиты» по принципу бинарной модели «живое и мёртвое» поможет прояснить идею авторского замысла.

Для понимания антитезы мы использовали толкование современными словарями слов «живое» и «мёртвое»: живое – это всё, что «образует земную жизнь», «оживляет плоть», животворящие силы, то, что даёт жизнь, способствует жизни, жизнедеятельности, само живет и дышит; а мёртвое – это всё, что лишено живой жизни или лишает жизни.

Система образов художественного пространства и художественного времени (хронотоп). Роман В. П. Астафьева разделён автором на две части. Книга первая имеет название «Чёртова яма» и повествует о событиях, происходивших в конце 1942 года в карантинном лагере 21 резервного стрелкового полка, расположенного в Сибирском военном округе недалеко от станции Бердск. Повествовательное событие первой главы книги «Чёртова яма» – прибытие по-

езда с новобранцами на станцию. Образ поезда, мёртвой машины, не просто одушевляется автором, а предстаёт в образе какой-то твари, устрашающей и бездушной: «Поезд мерзло хрустнул, сжался, взвизгнул и, как бы изнемогши в долгом непрерывном беге, скрипя, постреливая, начал распускаться всем тяжелым железом. Под колесами шелкала мерзлая галька, на рельсы оседала белая пыль <...> и весь поезд, словно бы из запредельных далей прибывший, съезжился от усталости и стужи. Вокруг поезда, спереди и сзади, тоже зябко. Недвижным туманом окутано было пространство, в котором остановился поезд. Небо и земля едва угадывались. Их смешало и соединило стылым мороком. На всем, на всем, что было и не было вокруг, царил беспросветное отчуждение, неземная пустыньность, в которой царапалась слабеющей лапой, источившимся когтем неведомая, дух испускающая тварь, да резко пронзало оцепенелую мглу краткими шелчками и старческим хрустом, похожим на остатный чахоточный кашель, переходящий в чуть слышный шелест отлетающей души» (здесь и далее курсив наш). С первых же строк Астафьев создаёт мощный по силе воздействия художественный образ страшного холода, немыслимой стужи, сковавшей всё живое и оказывающей гнетущее психологическое воздействие. Возникает образ какого-то странного фантастического мира: «неземная пустыньность», где скованные «стылым мороком» «небо и земля едва угадывались».

Образ природы – «зимний, морозом скованный лес, дышащий в себе, боящийся лишнего, неосторожного движения, глубокого вдоха и выдоха, от которого может разорваться древесная плоть до самой сердцевины» – усиливает мотив несвободы. «Ветви, хвоя, зеленые лапки, от холода острые, хрупкие, сами собой отмирая, падали и падали», «Снег пел под ногами, будто артель веселых пильщиков пилила под корень березовую рошу под рекой» – аналогия с полным уничтожением – «под корень» – живой природы. Всё это создаёт художественный образ мира, где властвует смертельная стужа, и кажется, что здесь нет и не может быть места живой жизни.

Присутствие людей в глубине зимнего леса чуть угадывается по живому дыханию «настойчивой жизни» и образу звука человеческого голоса: «Оттуда накатывала едва ощутимая волна, покойное дыхание настойчивой жизни, несогласие с омертвелым покоем, сковавшим Божий мир. – Пишет Астафьев. – Оттуда, именно оттуда, где угадывался лес и что-то еще там дышало, из серого пространства, слышался словно бы на исходном дыхании испускаемый вой. Он ширился, нарастал, заполнял собою отдаленную землю, скрытое небо, все явственней обозначаясь пронзающей сердце мелодией. Из туманного мира, с небес, не иначе, тот отдаленно звучащий вой едва проникал в душевные, сыро парящие вагоны, но галдевшие, похихатывающие, храпящие, поющие новобранцы постепенно стихали, вслушивались во все нарастающий звук, неумолимо надвигающийся непрерывный звук». Образ живой природы, схваченной лютым холодом, и образ героев (мальчишек-новобранцев), оказавшихся беззащитными перед набирающей обороты машиной войны, в художественном мире писателя уподобляются.

На страницах романа Астафьева образы природы и человека тесно взаимосвязаны: «До самого дна оврага он (Лёшка Шестаков) не долетел, упал на один из многочисленных уступов. Над ним совсем недалеко и невысоко разнорост, какие-то ершистые, колючие, до звона высохшие растения, бурьян этот, среди которого Лешка узнал лишь лопух, достал огонь, обчернил его, подкоптил, понизу почистил сушь и мелочь, а что было повыше, позеленей – осталось, правда, у родного лопуха съежились листья и в них, в тряпье листьев, жила и спокойно, бесстрашно кормилась пестрая птичка с оранжевым туго набитым зобком. «Однако, щегол?» – очнувшись в сумерках, угадывал Лешка птичку, ...как будто сейчас это было главное для него». И на войне герои настойчиво цепляются (как утопающий за соломинку) за живую жизнь, тянутся к ней, как к живительному источнику.

Образу автора в романе отводится роль не только повествователя, но и выразителя твёрдой человеческой позиции: «Боже милостивый! Зачем Ты дал неразумному существу в руки такую страшную силу? Зачем Ты прежде, чем созреет и окрепнет его разум, сунул ему в руки огонь? Зачем Ты наделил его такой волей, что превыше его смирения? Зачем Ты научил его убивать, но не дал возможности воскресать, чтоб он мог дивиться плодам безумия своего?».

О войне на страницах романа автор скажет прямо: «действует машина, давняя

тупая машина», тем самым утверждая, что война – человеческое порождение, но абсолютно чуждое живой жизни. По мнению автора, в войне нет ничего, что могло бы быть связано с живой жизнью. Может быть, поэтому Астафьев войну уподобит «машине», подчёркивая её искусственное происхождение. Это как всесокрушающий Молох, вызванный чьим-то злым гением к жизни, но противоречащий ей по своей сути.

На примере превращения парнишек-новобранцев сначала в доходяг в нечеловеческих условиях жизни резервного лагеря, а затем в «человеческое месиво в ямах» братских могил на полях сражений, автор показывает истинное лицо войны. Мы не будем подробно рассматривать образы главных героев романа. Отметим лишь в общих чертах, как за время пребывания в лагере меняются герои. В начале повествования они все – новобранцы. Но спустя несколько месяцев это уже в большей своей массе «доходяги», «неприкаянные», «слабовольные людишки», «серые тени опустившихся, больных людей», «мятые, завшивленные, кашляющие», «разбродное стадо», «согбенные старички», «серая масса» равнодушных людей с «потухшими глазами», «утратившие всякое человеческое достоинство».

Отвечая на вопрос, какая сила ещё до военных будней безжалостно уничтожила одних («Попцовых») и опустошила, обезличила других парней, «угасающих богатырей» – Колю Рындина, Лёшку Булдакова, Ашота Васконяна, Лешку Шестакова, Талгата и других – автор скажет: «тоталитарная машина». Мы перечислим лишь некоторые детали этого механизма, которые противостоят живой жизни: 1. Жильё – «антидом»: землянки, похожие на полутёмный подвал, «где вместо пола на песок были набросаны сосновые искрошившиеся лапы», казармы, построенные наскоро из сырого дерева. Подчёркивая временный характер жилья, автор скажет: «Из земли, точнее из бугров и бугорков, меж сосен горбящихся, чуть припорошенных снегом, игрушечно торчали железные трубы». Эти сооружения не держат тепла – главного условия поддержания живой жизни. «В казарме было не совсем тепло и не совсем холодно, как и бывает в глубоком земляном подвале. Печка лишь оживляла зажатую в подземелье, тусклую жизнь со спертым, неподвижным воздухом глухого помещения, да и то изблизил лишь оживляла», – пишет автор. Образ бесполезного тепла, растрчиваемого и не согревающего. 2. Питание скудное: «больные, изможденные люди подбирали крошки, объедки со столов и под столами», – пишет автор. Для будущих солдат построена не столовая, где люди

могли бы вкушать пищу, а «место кормёжки». «У парней посасывало в сердце, всем было тревожно оттого, что незнакомое все кругом, казенное, безрадостное, но и они, выросшие не в барской неге, <...> оторопели, когда их привели к месту кормежки», где «никак не могли парни приспособиться одновременно есть и держаться за нечистые, обмерзлые плахи». 3. Душевная оступая и сердечный холод. Отсутствие тепла в модели мироустройства приводит к «оступе» человеческих сердец и выхолащиванию души, то есть «расчеловечиванию». В таких условиях люди легко теряют человеческий облик: «Возникали стычки, перекадно гремел мат, сновали воришки»; «какие-то равнодушно-злые люди в ношеной военной форме». 4. Ложь и подмены. Показательные расстрелы: «волна приказа номер двести двадцать семь» («за побег» к смертной казни приговариваются ни в чём не повинные братья Снегирёвы). О положении на фронтах лгут политработники, полковые командиры. «Страна не была готова к затяжной войне не только в смысле техники, оружия, самолетов, танков – она не настроила людей на долгую, тяжкую битву и делала это на ходу, в судорогах, в спешке, содрогаясь от поражений на фронтах, полной бесхозяйственности, расстройств быта и экономики в тылу. <...> Все налаживалось, строилось и чинилось на ходу», – пишет автор.

Первая часть романа – «Чёртова яма» – несёт в себе заряд разрушительной силы. Вторая часть книги производит не менее жёсткое впечатление. Это «Плацдарм», на котором смерть ведёт партию и расставляет фигуры. Машина войны, «мёртвая» по своей природе (война не человека с человеком, а «война техники, авиации, танков, реактивных установок»), страшна тем, что требует для своего поддержания живые жизни: «перемалывались и перемалывались машиной войны полки, дивизии, армии, – пишет Астафьев, – фронту, как карантинной печке дрова, требовались непрерывные пополнения, чтобы поддерживать хоть какой-то живой огонь».

После прочтения романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» самое сильное впечатление на читателя производит господство смерти, безжалостно уничтожающей живую жизнь. Но Астафьев не был бы Астафьевым, если бы позволил смерти безраздельно властвовать. Нужно отдать должное автору, в романе мы также увидели немало примеров того, как человек сопротивляется машине войны, сохраняя «дыхание настойчивой жизни». В романе это: 1. Самодисциплина: поддержание духа и тела. Пример тому образы лейтенанта Щуса и старшины Шпато-

ра; 2. Песня. И в мирной жизни, и в войну песня (и не просто абы какая, а душевная, любимая, «птица-песня») поддерживала дух и силы; 3. Сохранение памяти, воспоминаний о прошлой мирной жизни, в которой было место добру, человеческим радостям, были крепки родственные узы. Память позволяет сохранять связь с живой жизнью, даёт силы выжить; 4. Сохранение человеческого достоинства; 5. Людское братство; 6. Проявление любви и человечности; 7. Вера в Бога. Как показывает автор, упрямая вера в спасительную силу всепрощающего и любящего Бога («призрачная надежда на Бога») сильна и неискоренима в русском народе; 8. Связь с родной землёй. «Сила родной земли», – как скажет автор. Таким образом, В.П. Астафьев не только ярко и образно показывает, как машина тоталитаризма и машина войны сеют смерть и безжалостно уничтожают живую жизнь, но и не обходит вниманием то, что противостоит их разрушающей силе и сохраняет живую жизнь.

Мы отметили, что в романе «Прокляты и убиты» нет образа врага в традиционном смысле. Есть живые люди в одной и другой стороны, попавшие под стремительно вращающееся колесо истории. «Здесь, на плацдарме, погибает так много народу, – пишет автор, – что у солдат, у русских усталых солдат слабеет чувство сопротивляемости, и у железных вояк – немецких солдат слабеет оно. В облике рыжего немца, в мертвом его взгляде сквозила все смиряющая изнуренность, и враз исхудалое лицо, да эти глаза в святом ободке придавали ему сходство со святым с иконы».

В художественном мире Астафьева «машина войны» мёртвая и бездушная, её «не образумит и не остановит даже смерть Попцова и других», ибо она сама смерть. Принимая войну как данность, человек причисляется и смерть воспринимать как нечто обыденное: «Лешка косил взгляд на убитого им врага, которого по счету – он не помнил. <...> Лешка не ужаснулся тому, что начинает привыкать к безликости той единицы. А ему казалось, что видение первого убитого, еще там, в Задонье, никогда не кончится, ничем не сотрется. «Так вот и обколотишься на войне, привыкнешь убивать...». Но автор предупреждает, что допустив смерть во внутренний мир, смирившись с присутствием смерти, человек становится беззащитен: смерть сначала выхолаживает всё, что связывает человека с живой жизнью, убивает в человеке человеческое, а потом заполняет образовавшуюся пустоту. Мрачное тревожное впечатление, апокалиптическое настроение, оставляет роман «Прокляты и убиты».

И после прочтения как набат звучат строки эпитафий: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом». (Святой апостол Павел); «Вы слышали, что сказано древним: «Не убивай. Кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду... (От Матфея, 5, 21—22)».

Осмысливая противоречивые явления бытия, в романе «Прокляты и убиты» писатель создаёт уникальную художественную модель мира, где на одной чаше весов – война – безграничное всепоглощающее Зло.

Война противостоит всему мироустройству Земли, а значит, ей нет, и не может быть оправдания. На другой же чаше весов – живая жизнь: человек и природа. И противостоять войне – это главное дело человека в битве за живую жизнь.

Список литературы

1. Астафьев В. Собрание сочинений: В 15 т., Т. 10. – Красноярск, 1997–98. – 299 с.
2. Субботкин Д.А. Конфликт «своего» и «чужого» мира в произведениях В.П. Астафьева как реализация бинарной и тернарной структур // <http://www.dissercat.com/content/konflikt-svoego-i-chuzhogo-mira-v-proizvedeniyakh-vp-astafeva-kak-realizatsiya-binarnoi-i-te>.